

ИСКУССТВО КОНТРРАЗВЕДКИ: УРОКИ

Надежда Звягинцева,
Фото Из Личного Архива В.И. Бугреева

Ежегодно 15 февраля королёвцы отмечают День памяти воинов-интернационалистов: приносят цветы на Мемориал Славы, чтобы возложить их к памятнику, установленному в честь земляков, погибших в «горячих точках», отдают дань уважения ветеранам боевых действий. Советник генерального директора, председатель Совета ветеранов войны, труда, боевых действий и военной службы АО «КТРВ» генерал-лейтенант Владимир Бугреев, будучи сотрудником военной контрразведки КГБ СССР — ФСБ России, принимал участие в различных военных конфликтах. Читатели «Калининградской правды» уже знают, как проходила его служба в Группе советских войск в Германии и Афганистане. Владимир Иванович также был командирован в Чечню во время первого вооружённого конфликта в 1995 году. Он согласился рассказать и об этом периоде, а ещё поделился своими взглядами на текущую международную ситуацию. Символично также, что встреча произошла в преддверии Дня защитника Отечества.

— Какие задачи перед Вами поставили, направляя в Чеченскую Республику на фоне начавшегося вооружённого конфликта?

— В Чечню меня направили с должности начальника Управления военной контрразведки Забайкальского военного округа в воинском звании генерал-майора. Был назначен руководителем оперативного штаба ФСК России (Федеральной службы контрразведки РФ, затем — ФСБ России), действовал под фамилией Громов.

Первая и вторая чеченские войны (1994—1996 и 1999—2009) стали прямым следствием распада СССР. На фоне ослабления центральной власти в Чечне усилились сепаратистские настроения. В 1991 году была провозглашена независимая Чеченская Республика Ичкерия. В официальных кругах территория по-прежнему считалась субъектом РФ. Противостояние вылилось в вооружённый конфликт, который завершился Хасавюртовскими соглашениями, фактически предоставившими Чечне независимость и приведшими к хаосу и росту преступности. Вторая чеченская война началась после вторжения боевиков в Дагестан и серии терактов в российских городах, в том числе в столице. Она завершилась восстановлением федерального контроля над регионом и отменой режима контртеррористической операции (КТО).

Мы обеспечивали поступление оперативной информации. В тот период командующим армейской группировкой Северо-Кавказского военного округа был генерал Геннадий Трошев. Он контактировал с Асланом Масхадовым, который занимал должность начальника Главного штаба Вооружённых сил непризнанной Чеченской Республики Ичкерия. Я несколько раз участвовал в подготовке Трошева ко встрече с Масхадовым. Доводил вопросы, которые было необходимо решить, а после — принимал отчёт. Помню, чтобы обеспечить запись разговора, предложил Трошеву воспользоваться звукозаписывающей техникой. А он говорит: «Да, неудобно, они проверят, генерал — и с техникой...» Поэтому вместе с ним я отправлял С., сотрудника контрразведки. Он выступал в роли помощника Трошева и носил на себе звукозаписывающую технику. Потом записи переговоров с Масхадовым расшифровывались и использовались по необходимости.

Ещё одной ключевой задачей было освобождение наших военнопленных через обмен или выкуп.

— Были ли в этой Вашей работе необычные или запоминающиеся эпизоды?

ЧЕЧНЯ, ХАНКАЛА, МАРТ 1995 ГОДА
(В.И. БУГРЕЕВ — ВО ВТОРОМ РЯДУ, ВТОРОЙ СЛЕВА)

— Однажды мне потребовалась крупная сумма на выкуп. Я обратился к генерал-полковнику Анатолию Куликову — командиру Объединённой группировки федеральных сил по восстановлению конституционного строя и пресечению деятельности незаконных вооружённых формирований на территории Чеченской Республики и на Северном Кавказе. Вам он известен как генерал армии, министр внутренних

разил: «Если бы он не сдался, все были бы уничтожены, в том числе солдаты. Учитывая, что речь идёт не о войне в классическом понимании, а о противостоянии с бандитами, это неразумно». Куликов тоже на меня немножко обиделся в этой ситуации. Он планировал обменять этих боевиков на пленённого подполковника внутренних войск. Тогда я, помню, сказал: «Поймите, для меня разницы нет, чей военнослужащий: Министерства обороны, МВД, ФСБ. Все они — свои».

В общей сложности при моём участии были возвращены из плена 34 солдата, сержанта и офицера.

— Случались ли ситуации, когда Ваша жизнь оказывалась под угрозой? Что Вы чувствовали в тот момент?

— Постоянно. На каждом шагу не исключались засады, обстрелы, минирование. Но как в Афганистане, так и в Чечне можно было опасаться, бояться, остерегаться, итог один — кому как повезёт.

ЧЕЧНЯ, МАЙ 1995 ГОДА (В ЦЕНТРЕ СЛЕВА НАПРАВО — Н.Д. КОВАЛЁВ, С.В. СТЕПАШИН, В.И. БУГРЕЕВ)

Помню, неоднократно прилетал директор ФСК России Сергей Степашин. Его должна была сопровождать группа «Альфа», которую возглавлял подполковник Сергей Шишин, он потом стал генерал-полковником, заместителем начальника ФСБ России Николая Патрушева. Но Степашин отказывался: «Да, что там сопровождать-то? БТРы эти...» Поэтому он, будущий директор ФСБ России Николай Ковалёв, который в Чечне

находился постоянно, и я вместе с ними на УАЗике по Грозному и в другие места ездили без сопровождения и, надо заметить, без опасений. Вот один показательный случай... Степашин, Ковалёв, начальник Управления ФСК и ФСБ России по Чеченской Республике генерал-майор Григорий Хопёрсков, будущий генерал-лейтенант, Герой России, и я отправились из Грозного в освобождённый Гудермес на бронепоезде, да ещё в сопровождении двух боевых вертолетов Ми-24! Однако там, в Гудермесе, мы принимали участие в собрании местных жителей. Оно проходило в каком-то клубе. Было многолюдно, стоял шум и гам. В такой обстановке нас могли легко ликвидировать — угроза была вполне реальной. Это лишь подтверждает моё убеждение: кому как повезёт. Страх же всегда можно преодолеть.

— Считаете ли Вы, что чеченский конфликт — следствие распада Советского Союза?

— Да, можно сказать и так: причём, чеченский конфликт, беспорядки в Средней Азии, в ликвидации которых мне пришлось участвовать, а сегодня ситуация на Украине — звенья одной цепи. В Чечне в ходе оперативной работы были выявлены интересные факты: среди боевиков действовали иностранцы, в том числе американцы, а также представители ОУН, то есть Организации украинских националистов — ОУНовцы мы их называли. По линии оперативной работы у нас имелся информатор, правда, чеченцы считали, что он работает на них, словом, двойной агент. На одной из встреч он сообщил, что ему дали задание познакомиться нас с украинцем, которого мы должны завербовать, на самом же деле тот уже работал на боевиков. Наш двойной агент спрашивал у меня, что ему делать — я решил использовать ситуацию в интересах контрразведки. Он доставил этого украинца: кандидат наук, очень грамотный. Его завербовали. Он возвратился и доложил, что сумел внедриться к нам, в российскую контрразведку. Наш источник тоже остался доволен, что выполнил поручение Департамента безопасности Чечни, который возглавлял Султан Гелисханов. И вот такой момент был: когда украинец возвращался к боевикам, я предложил ему организовать безопасный проход через линию фронта, без стрельбы. Он ответил, что нельзя, его могут заподозрить в том, что он — наш че-

ловек, то есть играл свою роль до последней мелочи. Отказался и с угрозой для жизни возвратился в расположение боевиков. Что было дальше — тайна контрразведки.

— Как всё запутанно! Как можно быть уверенным, что тот или иной агент — действительно наш, а не вражеский?

— Это наша работа, например, есть понятие «проверка». Поэтому я всегда подчинённым говорю: «Если хотите, чтобы ре-